

ПРОЛОГ

Утро не задалось с самого начала. Сперва выбило автоматы во всем доме, потом забарахлил газовый котел, и даже кофемашина попыталась взбунтоваться, выдавая в кружку вместо привычного ароматного напитка что-то невразумительное. По отдельности все это вполне могло и не значить ничего особенного, но вместе... Я уже давным-давно научился чувствовать крупные неприятности заранее, тем не менее пока еще не утратил умения надеяться, что все непременно закончится хорошо. Что и на этот раз точно пронесет — а там уж как-нибудь наладится...

Нет. Точно не наладится: к обеду признаки надвигающегося пушистого зверька достигли такого размаха, что их почувствовал бы любой, даже самый обычный человек. Воздух пах озоном, как после грозы, — только на небе уже вторые сутки не было ни облачка.

А после обеда сработали сторожевые чары на периметре. Я даже не стал смотреть на индикаторы, почувствовал и так. Сначала едва уловимую вибрацию в эфире, а потом и кое-что посильнее: чужое присутствие. Да еще какое! Незваные гости не прятались, будто возвращались в свой собственный дом, а не приперлись без приглашения. Поэтому я и вычислил их почти сразу, еще от шлагбаума. Даже до того, как вдалеке послышался шум мотора и над соснами с карканьем взлетела стая ворон.

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

Еще километр-полтора по извилистой грунтовой дороге — на такой не очень-то разгонишься. Вполне достаточно времени, чтобы удрать... или приготовиться драться.

Впрочем, зачем? Может, я и не был так уж рад неожиданно-негаданно нагрянувшей компании, и все-таки через лес к дому ехали те, кто вряд ли желал мне зла. Не друзья, конечно. Уже очень, очень давно не друзья.

Но и не враги.

Здоровенный черный джип — похоже, «Ленд Крузер» какой-то из свежих моделей — остановился у гаража рядом с моей «Нивой». Ровно, аккуратно, почти бампер в бампер — можно сказать, вежливо. Водитель распахнул дверь и выбрался наружу. Негромко выругался, попытался стряхнуть грязь с ботинок, но потом махнул рукой и зашагал к дому. Двое остались в машине. Я не мог разглядеть их — просто знал, что они там, внутри, прячутся за тонированными стеклами. Младший, кажется, даже попытался сообразить что-то вроде заговора для отвода глаз.

Дилетанты.

Не то чтобы мой бывший шеф всюду таскался со своей... компанией. И вряд ли он так уж опасался встретиться со мной в одиночку, но отчаянное положение требовало отчаянных мер — видимо, «группа поддержки» понадобилась для чего-то особенного. На лестнице раздались тяжелые шаги, и я запоздало подумал, что надо было встретить гостей внизу, а не ждать, пока они натащат в дом грязи. Или хотя бы усесться за стол. Или...

Ничего не успел — когда дверь распахнулась, я так и стоял посреди кабинета с недопитой чашкой кофе в руках.

— Здравствуйте, Илья Иванович.

— Ну, здравствуй, Сережа. — Шеф огляделся по сторонам. — Вижу, обжился уже... Обставился.

Дурацкое начало. Для любого разговора — и уж тем более для серьезного. Дорога от Москвы до моей глуши занимает часа полтора, не меньше, даже если гнать. Времени было достаточно, однако шеф так и не придумал ничего лучше, чем назвать меня именем, которым я не пользовался уже лет тридцать — с тех самых пор, как наши дорожки разошлись окончательно.

И до чего же ему было неуютно... и неудобно — и в ситуации, и в кабинете, и даже в собственном костюме. Впрочем, в этом я его как раз понимал: за неполную сотню лет вполне можно научиться носить двойку или тройку и правильно подбирать рубашку, галстук и даже носки, но вот привыкнуть — вряд ли.

Чужое оно для нас и своим не будет, видимо, уже никогда. Шеф давно стригся в модных московских салонах, брился чуть ли не до зеркального блеска и всячески пытался подчеркнуть собственную современность — иногда даже удачно. Но стоило чему-то пойти не так, и весь напусковой лоск последних десятилетий тут же слетал с него, как шелуха.

Когда шеф принялся теревить ворот, я не выдержал и все-таки пришел на помощь:

— Давайте сразу к делу, Илья Иванович. Насколько все плохо? В смысле — если уж вы решили обратиться ко мне...

Шеф недобро зыркнул из-под кустистых бровей, однако ответил спокойно, без злобы. Явно уже сообразил, что шила в мешке не утаишь — все равно придется достать его наружу и совместными усилиями сообразить, что тут можно сделать.

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

Если вообще можно.

— Насколько... Настолько, Сережа, — вздохнул он. — Ты будто новости не смотришь.

— Даже соцсети читаю, Илья Иванович. — Я попытался сосрить, хотя вышло, похоже, так себе. — А если конкретнее?

— Если конкретнее — самолеты уже в воздухе. Время подлета до границы — сорок пять минут.

Выходит, кофемашинка-то не зря бунтовала...

На мгновение проняло даже меня, да так, что все внутренности скрутило узлом, а небо где-то высоко над крышей чуть ли не в прямом смысле сжалось в овчинку — и застыло намертво. Ослепительно-синим ломтиком привычного бытия, которому осталось всего ничего.

Сорок пять минут.

— Вашу ж... — Я едва удержался, чтобы не прибавить чего покрепче. — Могли бы и пораньше сказать, Илья Иванович!

— Могли, — тоскливо отозвался шеф. — Но еще надеялись, что успеем, что получится...

— И в итоге поехали ко мне, когда просрали все на свете.

— Просрали... Ты, Сережа, говори, да не заговаривайся!

По кабинету будто вихрь пробежал — бумаги полетели со стола на пол, стекла задрожали, и даже матовая поверхность кофе в чашке зарябила, расходясь кружочками. Только что передо мной стоял успешный делец, хозяин жизни — то ли крупный бизнесмен, то ли чиновник примерно того же калибра. Дядечка лет этак пятидесяти с хвостиком, среднего роста и крепкий, разве что самую малость раздавшийся в талии от избыт-

ка сидячей работы. Усталый, серьезный — но при этом вполне благожелательный.

И вдруг оболочка треснула, и на мгновение я снова увидел шефа в прежнем облике: могучего великана с окладистой бородой, подпирающего потолок кабинета островерхим шлемом с кольчужной сеткой. Огромного, сурового — и все же способного внушать не только страх, но и граничащие с исступлением восторг и почитание. На него даже стало больно смотреть: пластины лат на широкой груди заискрились, расходясь во все стороны лучами яркого света.

На кого-то другого это, пожалуй, действительно произвело бы впечатление.

— А вот и не напугаете, Илья Иванович. — Я улыбнулся, поставил чашку на стол и демонстративно сложил руки на груди. — Да и потом — какое теперь мне дело?

— Это твоя работа, майор! — рявкнул шеф.

— Не-а. Так не годится. Я больше не на службе. — Я пожал плечами. — По вашей, между прочим, милости.

Странно, но мои слова будто отрезвили шефа. Не поставили на место, даже голову не остудили — зато, похоже, заставили задуматься. Хотя немного.

— Мы всегда на службе, Сережа, — уже без злобы проговорил он. — Впрочем, дело даже не в этом. Просто скажи: ты можешь?..

Игра в гляделки продлилась недолго: в конце концов, ответ мы уже знали. И пусть шефу пришлось засунуть свою гордость куда подальше, чтобы приехать сюда, а я не слишком-то этому обрадовался — никакого выбора на самом деле не было у обоих.

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

Звания, звездочки на погонах, контора, старая дружба... и соперничество — еще старше. Все это изрядно меркло перед тем, что ожидало нас всех в течение ближайших суток. Шеф мог сколько угодно ошибаться в своих решениях, но в одном он все-таки был прав: мы выбрали работу, с которой не уходят.

И выбрали так давно, что менять ее, пожалуй, уже поздно.

— Могу, — вздохнул я. — Ну, или думаю, что могу.

— Отлично! — В глазах шефа зажглись нетерпеливые огоньки. — Сколько времени нужно для подготовки ритуала?

— Минут десять. — Я на мгновение задумался. — Может, чуть больше. Если не сработает — как раз успеем налить по стакану, выйти на балкон и посмотреть, как этот несчастный мир...

— Тьфу! Да иди ты, Сережа, — проворчал шеф. — Помощь нужна?

— Лишней не будет. — Я шагнул к двери. — Спускайтесь в подвал, Илья Иванович. И тех двоих тоже по пути прихватите.

Все вдруг стало каким-то легким, чуть ли не воздушным. Теперь, когда дороги назад уже не было, оторопь отступила — и осталось только любопытство. Чистый, дистиллированный интерес, щедро разбавленный чем-то вроде радостного предвкушения.

В самом деле, почти семьдесят лет, с самого октября шестьдесят второго, держать под рукой волшебную кнопку — и не иметь морального права нажать. Слишком большой риск, и слишком велика цена ошибки...

Была — до этого дня. И если уж мир катится в тартарары — самое время изящно исправить все чуть ли не в одиночку, провернув то, о чем даже величайшие

из умов (и прошлого, и современности) могли только мечтать.

Что может быть круче?

— Проходите, господа. — Я не глядя щелкнул выключателем, зажигая свет в подвале. — И становитесь вокруг стола.

— Круг Силы?.. — пробормотал шеф. — Я думал, ритуал не настолько затратный.

— Он действительно не настолько затратный. И даже не нуждается в каких-либо... спецэффектах. — Я достал из нагрудного кармана самый обычный маркер и принялся чертить символы прямо на столешнице. — Вы сами знаете, что точка приложения энергии куда важнее ее значения. Особенно в таких делах.

— Тогда зачем?..

— Просто посмотреть, — улыбнулся я. — Должны же вы трое хоть чему-то научиться, верно?

Шеф нахмурился, однако промолчал. Его зам стоял напротив с неподвижным лицом — будто высеченный из камня. И только в младшем, похоже, осталось еще хоть что-то человеческое: он скривился, шумно выдохнул через нос и одними губами прошептал: «Козел».

Мы никогда друг другу не нравились.

— Быстро-то как все, Сережа... — Шеф с недоверием посмотрел на буквально вылетавшие из-под моей руки символы. — А ты уверен?

— Конечно же, Илья Иванович, — усмехнулся я. — Конечно же нет. Чтобы точно рассчитать такие операции, нужна минимум докторская по физике — а я даже институт не закончил. Но в общих чертах... — Я прекратил чертить и отшвырнул маркер в сторону. — Коротче говоря — должно сработать. Я откачусь обратно

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

на месяц — может быть, на полтора. Или чуть меньше — на три недели... Этого хватит?

— Должно хватить. — Шеф сложил на груди здоровенные ручищи. — Как... как доберешься — сразу же ко мне, Сережа. Бегом.

— *Если* доберусь, — поправил я. — Одна ошибка — и меня в буквальном смысле размажет по эфиру, как маргарин «Рама» по хлебной корке.

Я достал из ножен прихваченный когда-то с «Варяга» кортик и осторожно ткнул себя острием в палец. Для символов и контура сгодился бы и мел, и самый обычный карандаш — но завершать полагалось кровью. Личной подписью, таким финальным оператором, который запускал сложнейший алгоритм ритуала. Ну... должен был запустить.

— Что ж, господа. Момент истины, — проговорил я, протягивая руку к столу.

И все заверте...

ГЛАВА 1

Когда тьма вокруг рассеялась, я летел вперед. Не через какой-то пространственный или временной тоннель, а в самом прямом смысле. Точнее, падал: глупо и неуклюже, обогнав головой и плечами ноги — так, что уже не мог удержать равновесие. Пол коварно прыгнул навстречу, и я едва успел подставить руку.

Какую-то странную, будто чужую... С бледными тонкими пальцами, торчащими из-под рукава с парой блестящих пуговиц. На моей флиске таких определенно не было... да и вообще никаких не было, если уж на то пошло.

Знакомый подвал исчез. Я оказался в длинном коридоре с окнами по одну сторону и дверью с номером — по другую. Каменный пол сменился выдавшим виды паркетом, а стол с колдовскими письменами куда-то испарился.

Остались только люди... точнее — их количество. Обступившая меня троица в темно-синих кителях с серебряными пуговицами выглядела куда моложе бывших сослуживцев — и уж точно не так внушительно. Зато настрой, похоже, имела самый что ни на есть боевой.

Все-таки у летящего в челюсть ботинка есть один несомненный плюс: он моментально разделяет любые текущие задачи и вопросы на важные — и все остальные. Заставляет действовать без лишних раздумий.

В общем, тонизирует.

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

Я еще не успел толком сообразить, какого лешего вообще происходит, а тело уже действовало само, резво вспоминая все то, что когда-то намертво забивалось в мышцы бесконечными тренировками. Я завалился чуть набок, уходя от удара, поймал нападавшего за пятку — и дернул вверх. Раньше такое запросто опрокинуло бы на пол даже шефа, но сейчас силенок почему-то не хватило. Долговязый тощий парень неуклюже взмахнул руками, отступил на пару шагов, однако на ногах все-таки удержался.

А я уже получил от следующего. Прямо по ребрам чем-то увесистым, зато, на мое счастье, не слишком твердым. Били коряво и вскользь — в самый раз, чтобы успеть подняться, не словив еще пару пинков.

Я крутанулся на месте, вскакивая, — и тут же метнулся к стене, чтобы хоть как-то прикрыть тылы. Впрочем, это оказалось без особой надобности: вместо того чтобы окружить и навалиться со всех сторон, мои противники ринулись в лоб, едва ли не строем. Подраться они явно любили, а вот умели от силы на троечку.

С жирнющим таким минусом. Я без особого труда свалил первого, кто сунулся, — того самого, что чуть не вlepил мне по голове ботинком. Просто швырнул лицом в стену, пропустив мимо, и на всякий случай еще добавил локтем в поясницу. Второй, полноватый коротышка с пороссячим рылом, снова попытался ударить меня. И не кулаком, а кожаным портфелем — то ли побоялся подойти ближе, то ли не слишком-то рассчитывал на собственные силенки. Его я срезал еще на размахе: пнул ногой в мягкий живот и отправил на паркет.

А вот с третьим пришлось повозиться: он не только двигался поувереннее своих сотоварищей, но и выглядел куда основательнее. Здоровенный — на полголовы выше меня и тяжелее раза в полтора. Бритая круглая

башка будто росла прямо из плеч, а шеи не было вовсе — парень явно любил побаловаться гирями. Или просто целыми днями поднимал тяжести на какой-то нелегкой работе. Силища в нем оказалась звериная.

Хорошо хоть, умение подвело.

Я прикрыл подбородок плечом, но могучий удар все равно отбросил меня, протащил по полу подошвами, и от второго я предпочел уклониться. Поднырнул под неуклюжую размашистую «закидуху» и впечатал кулак в торс. Будто в стену — каменную, разве что кое-как прикрытую сверху слоем податливой человеческой плоти. Здоровяк даже не хмыкнул, а вот моя рука онемела фактически по локоть. Зато осталась вторая, и ею я зарядил в челюсть.

Четко и мощно, с переносом веса, вложившись всем корпусом. Прямо как на показательных выступлениях: не кулаком, чтобы не сломать костяшки, а предплечьем, ровно по линии от подбородка под ухо, заодно зацепив сгибом большого пальца болевую точку. Любого нормального человека такой удар отправил бы в нокаут — ну или хотя бы уронил.

Но этот бугай разве что пошатнулся. Я не стал дожидаться, пока он очухается или пока на меня снова прыгнет кто-нибудь из его товарищей. Дальше демонстрировать свои бойцовские навыки и калечить парней в мои планы определенно не входило, как и рисковать огрести от превосходящих втрое сил врага. Так что я напоследок добавил носком ботинка здоровяку под колено, развернулся...

И едва не налетел на невесть откуда взявшегося уса-того мужика в форме. Вроде той, что носили мои недруги, только чуть темнее, с какими-то значками на лацканах и наплечными знаками с золотым шитьем.

— А ну стой!!!

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

От сердитого окрика мои преследователи замерли — их будто к полу приморозило. Да и я сам вдруг с предельной ясностью осознал: удирать будет чревато последствиями. Не смертельными, конечно, но теми, которых любой разумный человек предпочел бы избежать.

— Что вы тут устроили?!

Голос у моего неожиданного спасителя оказался командирский — зычный и могучий, разве что чуть охрипший от крика. А вот внешность до такой луженой глотки явно недотягивала: ростом мужик был заметно ниже меня, да и богатырским сложением не отличался. Красноватый и опухший рыхлый нос выдавал в нем любителя заложить за воротник, а рыжеватые прокуренные усы, почти сросшиеся с бакенбардами, при ближайшем рассмотрении оказались наполовину седыми, хоть их обладатель наверняка еще не разменял и шестого десятка. Потасканный облик дополняла огромная блестящая плешь — да и в целом местный блюститель порядка выглядел скорее забавным, чем грозным.

Вот только парни в форме, похоже, изрядно его побаивались.

— Ничего, ваше благородие, — проворчал здоровяк, потирая ушибленную мною челюсть. — Столкнулись... нечаянно.

— Я вам устрою «нечаянно»! — Усатый погрозил костлявым кулаком. — А еще гимназисты называются... При Александре Николаевиче вас бы уже сто раз выперли за такие выкрутасы, остолопов.

— Иван Павлович, мы не...

— Молчать! Молчать, когда я говорю. — Тот, кого назвали Иваном Павловичем, шагнул вперед и ухватил здоровяка за пуговицу на кителе. — Слушай сюда, Ку-